

Ирина
Слащёва

ЗАБЕРИ

меня

18+

Ирина Слащева

Забери меня

<https://litres.ru/74195744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь текла... Я была женой и матерью. Но потом он ворвался и перевернул мой мир, мои представления о мужчине, любви, себе самой. После этого я поняла: моя жизнь утекала...

Но могу ли я позволить себе те желания, что пробудились во мне?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	65
Глава 12	71
Глава 13	77
Глава 14	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Забери меня

Глава 1

«Да что за идиот решил сделать такой спуск к дому???»

Эта и много других злобных мыслей кружились в голове, делая этот паршивый день еще хуже.

Почему паршивый?

Да по обычным для матери в декрете причинам.

Сначала дочка ворочалась всю ночь, требуя грудь каждую секунду. Потом сын пришел в 5 утра, сообщив, что выспался. Потом дочь залезла в кухонный ящик с макаронами, каким-то образом разгрызла пачку и узнала вкус сырых спагетти твердых сортов. Сын в это время собирал обломки и выкладывал из них машину. Точнее «клудой каблиолет». Потом мы собирались гулять. Одеда сына. Стала одевать дочь, сын захотел пить. Пролил на себя воду. Переодела сына, за это время дочь разделась. Одеда дочь заново. Порадовалась, что всего лишь октябрь, а не глубокая зима с миллионом слоев одежды.

Погуляли. До последнего надеялась, что будем на детской площадке одни, но день же был паршивый, так что нет. Другие дети. Дележка игрушек. Бесячие матери, которые втыкают в телефон и не видят, что их бесячие дети отбирают наши игрушки и притом толкаются.

Обычно в таких ситуациях стараюсь ненавязчиво привлечь внимание, чтоб выпросить хотя бы неохотное: «Миша, ну так же нельзя...». Но не сегодня. Потому что время – 11:45, а я уже все. Рывкнула, что мы уходим домой, забрала все игрушки. Какого лешего вообще я таскаю долбаный рюкзак полный игрушек, а вместо моих букашек ими играют все, кому не лень. А матери этих «всех кому не лень» эстетично попивают кофеек на лавке, в одежде как из Пинтереста. Мне такое только снится. Я в самом удобном, теплом и немарком бегаю от сына к дочери, пытаюсь уделить им качественное внимание, развить их физические навыки и не дать убиться. Короче, собираясь домой, я чувствовала, что это самое правильное решение за сегодня. Эх, нам бы уйти на 5 минут раньше...

Последней каплей стало возвращение. К дому ведет лестница без пандуса. И охренительно крутой спуск для машин. Почему нужен пандус? Потому что мой старший четырехлетний карасенок на день рождения стал обладателем крутого велосипеда (о чем я только думала?!). А мелкая булка, которой недавно исполнилось полтора года, вальяжно сидела в детском велосипеде-каталке.

Собственно, удерживая сына за багажник, я усиленно держала два велика, спускаясь к дому по проезжей части. Кстати, обо мне. Мне 28 лет, глаза зеленые, волосы в хвосте, нервы в ауте. Зато фигура улучшается от подвижной жизни и отсутствия времени на еду. Недавно обнаружила на весах 50

кг. Уже неплохо.

Так вот, иду я, пыхчу, ругаю изо всех сил горе-проектировщиков, как вдруг сзади мне начинают сигналить.

«О, какая же это плохая идея...», подумала я, стараясь глубоко дышать и игнорировать посторонние звуки.

Но мерзкий нахал решил во что бы то ни стало добиться внимания, поэтому все никак не унимался. Казалось бы, твоя задница сидит в комфорте, тепле, не напрягается, так насладись этой жизнью лишние полторы минуты, пока загнанная мать придет к финишу. Нет же. Он торопится (а может и она, но я отчего-то решила, что за рулем особь мужского пола), а я же никуда не тороплюсь, правда? Могу, удерживая почти 30 килограмм на крутом спуске сдвинуться и постоять, пока его величество проследует по своим делам.

— Да иди ты... — вовремя вспоминаю, что здесь две пары мелких ушек и владелец одной из них с легкостью воспроизведет все, что услышит, — в пень!

Говорю это больше для себя, чем для нахала, он-то не услышит надежно скрытый салоном машины. Но неожиданно в спину летит:

— А может ты куда-нибудь пойдешь? Например, нахер с проезжей части?!

Первая реакция – шок. Не вижу его, но от низкого, властного голоса сердце ухает куда-то ниже пяток. Я одна, двое детей и злой мужик. Мало ли, что у него на уме.

Но ступор длится доли секунды. Все-таки я мать уже не

первый год и привыкла быстро брать себя в руки.

Слегка обернувшись, делаю максимально разъяренный взгляд (пусть не думает, что ему достаточно рывкнуть, чтоб я сразу же сникла) и вскрикиваю:

— Так вынь свою жопу из машины и помощи! А потом посади ее обратно и отвези в строительную компанию, морды набей за этот съезд!

Слышу какое-то нечленораздельное бормотание, направленное, парочкой ругательств (если я правильно разобрала), а затем, в который раз, шокированно замираю.

Хамло с баритоном громко хлопает дверью машины и направляется ко мне. Вся сжимаюсь от ужаса, не зная, что от него ожидать. Мужчина, тем временем, уверенно подходит ко мне, дарит мимолетный взгляд, в котором ясно читается пренебрежение, а затем присаживается на уровень глаз моего сына.

— Привет, я – Ратмир, а ты?

— Матвей. Мне четыле года.

— Ого, а я был уверен, что тебе только три! Ну раз ты уже такой взрослый, не будешь против немного полетать?

— Конечно, это же клуто! Я люблю летать. Только папа все влемя на лаботе, а мама очень быстло устает, потому что я тяжелый.

Все это время я растерянно хлопаю глазами, не понимая, что вообще происходит и как на это реагировать. Тем временем, назвавшийся Ратмиром, улыбается Матвею, подмиги-

вает, подхватывает одной рукой, а в другую берет велосипед.
— Давай, мужчина, распахивай крылья, — улыбаясь говорит Ратмир.

После этих слов, сын со счастливым визгом раскидывает руки в стороны и изо всех сил изображает самолет.

Я отмираю и следую за ними удерживая велосипед дочери с гораздо меньшими усилиями.

Матвей сообщает новому знакомому, где наш подъезд, и наша странная компания подходит напрямик к нему.

Мужчина опускает Матвея и велосипед, а затем достает ключ от НАШЕГО домофона и открывает дверь.

— Так и будешь смотреть? – обращается ко мне. — Тогда ты держи дверь, — хлопая глазами я на автомате поймала брошенную им дверь, а Ратмир завез в подъезд мою дочь, затем велик сына, а затем отправил Матвея внутрь «не мерзнуть и следить за сестрой».

— Вы тоже здесь живете?

— Нет.

— А откуда у вас ключ?

— У меня совершенно нет времени на пустой треп, заходи уже! – мужчина заметно хмурится, его глаза мечут на меня молнии сверху вниз. Он вытягивает руку над моей головой, чтобы придержать дверь. Для меня???

С досадой подумала, что при разговоре с Матвеем, Ратмир был куда любезней и даже улыбался. Хотя по виду мужчины кажется, что улыбка на его лице несчастный гость.

Скользнула по нему взглядом. Высокий, сильный, грубый. Темные глаза, темно-каштановые волосы, правильные черты лица. Если бы он не рявкал на меня и не нависал грозовой тучей, я бы даже назвала его красивым. Но, собственно, мне-то что. Я – глубоко замужняя мать.

Пробормотав благодарность проскакиваю под его рукой в подъезд и, не оборачиваясь вызываю лифт. Ощушаю спиной прожигающий взгляд до момента, пока мы с детьми не забираемся внутрь.

Вроде ничего особенного не случилось, но чувствую, что мысли еще не раз вернуться к этой встрече.

Глава 2

Ратмир

Пока сигналил придурочной «яжематери» успел отправить сообщение ответственному за реализацию проекта этого дома. Поэтому, стоило новой знакомой с детьми удалиться, как заметил знакомую машину Тимофеева, остановившуюся за моей (без вариантов, я ж свой крузак посреди съезда бросил).

Припарковались по-человечески, вышли обратно.

— Здравствуйте, Ратмир Олегович! Что-то произошло?

Ненавижу, когда люди задают вопросы. Вот серьезно. Процентом семидесяти вопросов можно избежать, если раскрыть глаза и включить мозги. Только вот почему-то девятью процентам людей этого не делают. Ну ничего, научим, кого сможем.

— Привез?

— Да, конечно. Только зачем?

— Доставай.

Вижу, что Тимофеев завелся. Ну, товарищ, сейчас ты вообще вскипишь. Достает из багажника металлическую тележку.

— Ратмир Романович, а мешки с сухим раствором куда?

— В тележку клади.

— Готово.

— Сколько там?

— Тридцать килограмм.

— Отлично, вези.

— Куда?

— Вниз, к первому подъезду, а затем обратно сюда.

По глазам вижу, не понимает ни хрена, но ничего. Не доходит через голову — дойдет через ноги. Благо, понял, что вопросы задавать не стоит и покати́л исполнять указание.

Спустя некоторое время (как по мне, чересчур длительное) красный и запыхавшийся Тимофеев вместе с тележкой стоял возле меня. Сложив руки на груди, я задал вопрос:

— Ну так что не так, Тимофеев?

— Я не совсем понимаю, Ратмир Олегович...

Твою ж... И как он у меня до такой должности дошел? Идиот.

— Тимофеев, мы сейчас где стоим?

— На съезде.

— А вдоль дома что проложено?

— Ступени для пешеходов.

— Ты с тележкой пешеход?

— Ну... Да.

— Тогда какого черта ты не спустился по отведенной зоне для пешеходов?

— Так там же... Это... Ступени. А у меня... тележка на колесах... Как же мне?

— А как обычно пешеходы спускаются с колясками, ка-

талками, велосипедами по пешеходным зонам? — мой голос стал тихим и угрожающим. До последнего старался не сорваться, но внутри все кипело.

— По п-п-пандусам?

— Да неужели?! — не выдержал и рявкнул. — И где пандус, товарищ куратор проекта?

— З-з-забыли.

Да что ж он так выжить не стремится-то? Спокойно, Ратмир, дыши, вечером поколотишь грушу в зале...

Прикрыл на секунду глаза, выдохнул и, как можно спокойнее, произнес:

— Значит так. Либо через неделю здесь будет съезд для колясок, предусмотренный в проекте, и я забуду про твой косяк, либо я прямо сейчас забуду, что ты у меня работаешь, и удачи тебе в поисках работы с волчьим билетом.

— Ратмир Олегович, я все сделаю! Завтра же, — проблеял «куратор».

Я, открывший уже дверь машины, захлопнул ее и резко развернулся.

— Тимофеев, ты здоров? Как ты его завтра сделаешь?

— Н-ну, закажу сегодня пандус, завтра установят. Что его там делать: две доски и перемычка.

— Тимофеев! Какие доски?! На каком расстоянии ты их перемывать будешь?? Ты не подумал, что у разных колясок разное расстояние между колесами? Смысл в твоём долбаном пандусе, если им будет невозможно пользоваться? По

проекту тут съезд для колясок из плитки выложенный! С установленным углом уклона! Ты, придурок, вверх тележку катил? Понравилось? Так в тебе небось килограмм сто, а я двадцать минут назад видел, как тут мамаша, которая светится вся насквозь от худобы, двоих детей на великах тащила! Мы же специально проектировали съезд, чтобы сгладить этот склон для пешеходов! — чувствую, что меня понесло, но остановиться не могу, выбесил меня.

— Ратмир Олегович, виноват! Я все понял, все сделаем, я лично проконтролирую!

— В одно место свой контроль засунь, — говорю хмуро. — Я сам через неделю сверю все параметры на соответствие проекту!

Валить надо, а то придушу его здесь. Не слушая тупорылых оправданий, залетаю в машину и срываюсь с места. Надо успокоиться.

Как-то я остро отреагировал на косяк Тимофеева. Хотя, нет. Моей строительной компании уже десять лет, и за эти годы сложилась определенная репутация. Люди нам верят. В работе я до одури перфекционист, внимательный к деталям. Пусть другие думают, что невозведенный пандус — не проблема, но для меня — это недопустимый косяк.

Вопрос в другом. Какого лешего я вытащил Тимофеева? Мог ведь и в офисе наорать. Заставил его таскать тележку. Сам понимаю, что это самодурство. Я хоть и не самый мягкий руководитель, но обычно не срываюсь, не перехожу на

личности. А тут сорвало что-то внутри.

Кто-то. До сих пор перед глазами вижу ЕЁ глазищи. Сначала зыркала на меня ими злобно, потом растерянно, потом... заинтересованно. Миллион эмоций в секунду. Сначала подумал, что передо мной типичная современная вафля, которая считает, что ей все должны, потому что она есть. Потом понял, что перед собой двоих карапузов тащит. Даже растерялся, как они ее не перевешивают. Потом психанул, что она посреди дороги прется, а после ее отповеди понял, что это не ее косяк, а застройщика. Мой получается.

Что-что, а признавать ошибки я умею. Не мог оставить ее на том спуске такую злющую, бледную, с синяками под глазами... Пришло ощущение, что это я виноват в том, что она такая замученная. Бред. А потом эти глаза ведьминские. Живые. Горящие. Черт! Почему я вообще о ней думаю? У нее дети, у детей есть отец (пацан что-то говорил про папу работающего), я там никаким боком. Даже имени ее не знаю. Угомонись уже, Шувалов, и езжай работать.

Глава 3

Ольга

Оставшиеся полдня проходят относительно спокойно. Странное знакомство со странным Ратмиром странно меня воодушевляет. Мотивы его поступка мне не ясны, но, поскольку я женщина, с радостью их себе надумаю. Естественно, в моих фантазиях, этот жутко привлекательный, уверенный мужчина влюбился в меня без памяти с первого взгляда и решил пасть к моим ногам. Какая же чушь, хе-хе. Но внутри как-то теплеет от мысли, что после двух декретов я все еще могу привлекать внимание.

Я с нетерпением жду мужа. Хочется сегодня встретить его игривой кошечкой, а не зомби с гулькой. Сергей, как обычно, задерживается. Он работает системным администратором в бухгалтерской фирме, а у них там вечный аврал. Зато за переработку платят хорошо, а в нашей ситуации, это неплохой стимул. Две маленькие пары ножек постоянно вырастают из обуви, головы из шапок, ну и так далее. Про ипотеку я вообще молчу.

Ближе к одиннадцати вечера слышу открывающуюся дверь, оставляю недопитый чай и иду встречать мужа.

— Приветик! – улыбаюсь, стреляя в него глазами.

— Привет, Оль, — говорит Сергей на автомате, быстро мазнув по мне взглядом и начав разуваться.

Я подхожу ближе, жду, когда он выпрямится, кладу одну руку ему на плечо, а другую на затылок и медленно целую. Затем слегка кусаю его нижнюю губу и провожу по ней языком. По возникшему внизу живота напряжению понимаю, как не хватает близости с мужем. То дети болеют, и я ночами сбиваю температуру, то после дня счастливого материнства падаю на кровать без сил, то муж после работы вырубается, не дождавшись меня из душа.

— Ничего себе, — говорит Сергей, — у тебя на сегодня большие планы?

Я загадочно улыбаюсь и начинаю снимать пальто с мужа. Сегодня чувствую, что нуждаюсь в нем не как в супруге, отце своих детей или друге, а именно как в мужчине.

Сергей наклоняется ко мне, углубляя поцелуй. Не отрываясь друг от друга, мы перемещаемся на диван в кухне. Я чувствую, внизу живота что-то тягучее и очень горячее. Но оно только пробуждается..., а в этот момент муж уже нетерпеливо врывается в меня и начинает двигаться.

Все не так... Мне хочется попросить его замедлиться, подарить мне томительный поцелуй, дотронуться до груди. Но эти желания так и остаются невысказанными. В начале нашей супружеской жизни я пыталась откровенно обсуждать с Сергеем интимные вопросы, но всякий раз, когда намекала, что мне было что-то неприятно или чего-то не хватило, муж закрывался от меня. В итоге, когда он через некоторое время отходил, и корка льда между нами таяла, я была безумно

счастлива, настолько, что с радостью принимала все, что он мне давал в постели, заглушая любую дурость, рождающуюся в эти моменты в голове. В конце концов, семейная жизнь состоит из компромиссов, не так ли?

Сама не заметила, как отвлеклась от «процесса». В реальность вернул Сергей, простонав:

— Прости, Ольчик... Не могу больше сдерживаться...

После этого его дыхание стало рваным, как и последующие движения, а затем я почувствовала его дрожь. Что ж... Как порядочная жена я помогла мужу расслабиться. Хех.

Пока я торговалась сама с собой, взгляд не фокусируясь остановился на муже, Сергей усмехнулся и сказал:

— Так и будешь смотреть?

И тут во мне словно плотину прорвало, перед глазами появился другой мужчина, задавший мне тот же вопрос. Я отчетливо увидела его хмурое лицо, тяжелый взгляд, почувствовала его давящую энергию...

«Что за черт?»

— Я быстро в душ, — бросила мужу и поспешила скрыться за дверью ванной комнаты.

Сделала воду прохладней, но это совсем не помогало остудить голову.

«Это же сюр какой-то! После секса с мужем представляешь себе лицо малознакомого мужика! Да, Ольга, тебе нужно в санаторий... Или в дурку.»

Порефлексировав минут десять, я завернулась в полотен-

це и вернулась к Сергею.

— Ужинать будешь?

— Нет, Ольчик, устал как псина, схожу в душ и спать. Ты ложись, не жди меня.

— Хорошо, — ответила я, снова поразившись своей реакции. Обычно я стараюсь провести время с мужем, спросить про его дела на работе, рассказать про детей. Но сегодня выдохнула с облегчением, получив возможность ретироваться.

Мужа из душа все же дождалась. Правда не по своей воле. Хотя я и продолжала упрямо держать глаза закрытыми, сон никак не шел. В голове прокручивались мгновения встречи с Ратмиром. Я пыталась понять, почему же они так запали в мое нутро. Вспоминала знакомство с мужем, свои ощущения от него и понимала, что из всей нашей шестилетней истории нет ни одного момента, который бы я вспоминала так ярко, как каждое движение этого нетерпеливого хама.

Под утро мне все же удалось провалиться в крепкий сон без сновидений.

Глава 4

Ольга

Вот сколько раз зарекалась не ложиться спать после полуночи?

Без толку.

Бессонная ночь дала о себе знать вялостью и отвратным настроением. Дети носились, как обычно, а я не успевала фокусировать взгляд. Мда, день будет сложным.

Включила музыку, чтоб как-то взбодриться и занять детей во время одевания, стала собирать их на улицу. Удалось, ура. Терпкий осенний воздух приятно обволакивал и заставлял держать глаза открытыми. Мы приближались к тому самому гениальному подъему/спуску, где заметили скопление людей в рабочей одежде и несколько паллет с тротуарной плиткой. Присмотревшись, я поняла, что там, где находится лестница, всюю укладывают спуск для колясок. Офигеть! Неужели Ратмир все-таки набил там кому-нибудь морду? Ага, только потому, что ты, совершенно незнакомая женщина, ему пожаловалась? Бред.

«Может совпадение? Ой, да без разницы, главное, что хотя бы эта проблема в моей жизни больше не будет такой существенной.»

Настроение странным образом улучшилось. Погуляли спокойно, вернулись домой, покормила своих зайчиков и

(ура!) уложила спать.

Возникла стандартная дилемма: поспать, поесть или что-то по дому сделать? Естественно, выбрала последнее. Пока мыла ванную вспомнила, что у сына завтра запись к двум врачам на разных концах города. Блин, забыла Серёжу предупредить, что нас нужно подвезти.

Не имея машины, сложно оставаться мобильной с двумя детьми. Такси к нам не приезжает, так как и с одним детским креслом машины находятся с трудом, куда там два. Иногда, если мне сильно надо, я беру кресло с собой. Но это тоже не стопроцентный вариант. Большая часть водителей не хочет устанавливать мое кресло, нудят, что нужно такое писать в комментариях к заказу и сваливают. Но даже, если в итоге нас довозят, таскаться с этим креслом потом проблематично.

Поэтому обычно мы путешествуем на автобусе. Детям нравится, они с радостью смотрят в окошко. У мужа есть машина, но ему сложно отпроситься с работы, поэтому он становится букой, если я прошу нас куда-либо доставить. За шесть лет брака я выработала на этот случай схему: сообщать не менее, чем за неделю – сразу же закормить – напомнить за два дня – заняться сексом – напомнить накануне. По такому сценарию обычно удается избежать разговоров с недовольными лицами.

Но в этот раз я забегалась и не выполнила ни одного из пунктов. Ладно, попробуем ускоренный вариант: звонок – ужин – секс. Может прокатит?

— Да! — отвечает Сережа нетерпеливо, значит я не вовремя. Пу-пу-пу.

— Любимый, извини, что отвлекаю! Завтра у Матвея два доктора, у меня совсем из головы вылетело. Ты можешь нас свозить, пожалуйста? Мы бы сами добрались, но приемы в разных поликлиниках, а интервал по времени небольшой, — «пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста» думаю и скрещиваю пальцы.

— Во сколько? — «мда, лаконичненько».

— В 9 и в 11.

— 2 часа это нормальный интервал. Я не могу — планерка,
— резко отвечает, — вызовете такси.

И прежде, чем я успеваю что-либо возразить, мой муж, отец моих детей, защита и опора кладет трубку.

«О-хе-реть!»

«Такс... Что мы можем... Вызвать такси накануне ко времени. С комментарием по поводу двоих детей и своего кресла. Прием в 9, но наверняка будет задержка, минут на 15, потом полчаса в кабинете. Ну если обратно такси найдется быстро — все норм. А если нет... Что там по остановкам?»

Открываю на телефоне приложение с картами, вижу, что рядом с поликлиникой остановка, но с нее мы никак не доедем, куда надо. Зато через семьсот метров другая остановка и там ездит автобус, на котором сможем добраться без пересадок за 40 минут.

«Все это очень здорово, конечно, только как с детьми и

креслом не сдохнуть через эти семьсот метров? Может в жопу такси и сразу ехать на автобусе? Только тогда выйти надо ни свет, ни заря... Но зато налегке. Блииинин.»

Остаток дня пытаюсь выбрать оптимальный вариант передвижений. Муж, как назло, приходит пораньше, но мы не общаемся. Я всячески пытаюсь показать свою обиду, но ему, очевидно, плевать.

В итоге, делаю выбор в пользу сна, поэтому вызываю такси на 8.30 утра, и убедившись, что машина найдена, ложусь спать.

Утро... Дурацкое утро... Ненавижу! Искренне считаю, что суток до 9.30 вообще не должно существовать. Соскребаюсь с кровати, практически засовываю голову под кран, умываясь, пытаюсь нащупать у себя кнопку «вкл».

Быстро закинула в себя завтрак, приготовила все для детей, и теперь миссия невыполнима — разбудить детей в хорошем настроении.

— Котик мой, просыпайся, — говорю тихонько Матвею и глажу его по спинке.

— Мамулик, ну я же еще сон не досмотрел! — начинает поднывать.

— Обязательно досмотришь днем. А если сейчас мы не успеем собраться, то ты еще кое-что не увидишь.

— Что? — моментально подрывается и смотрит заинтересовано.

Эх, все-таки я бы и Макаренко нос утерла.

— Какого цвета такси к нам приедет. Вдруг наконец-то желтого!

На этом моменте сын с радостью бежит завтракать, а я бужу дочу, немного подкармливаю ее грудью и усаживаю рядом с братом.

Лопаем в четыре ложки: сладуськи едят самостоятельно, плюс я каждого подкармливаю, чтоб быстрее справиться. Затем проходим марафон одевания, и вот в 8.25 мы стоим на пороге, где встречаем только что проснувшегося главу семейства.

— Топаете вы, конечно, так, что никакого будильника не нужно, — ухмыльнулся Сергей и присел перед детьми, — Матвей, будь молодцом, а ты, дочка, помогай маме.

После этого крайне продуктивного напутствия, не дождавшись ничьей реакции, он поднялся и скрылся за дверью ванной.

«О-хе-реть!»

Далее я на автомате навьючилась детьми, рюкзаком со всем, что может им понадобится, и автокреслом и повела всех к лифту. Потом несколько минут торгов о том, кто нажмет кнопку, и вот мы уже в такси — можно немного выдохнуть. Все это время я негодую.

«Я не понимаю! Неужели у меня какие-то завышенные ожидания? Ладно, отказался подвезти. Но можно же было встать на полчаса раньше и помочь мне одеть детей и сесть в такси? А мы еще и топали громко, оказывается! Беднень-

кий-несчастненький! Со мной не общается, с детьми не общается. В кой-то веки малышей с утра увидел, ни поцелуи-чиков, ни обнимашек, а какой-то стандартный ничего не значащий словесный мусор!»

С такими мыслями, к концу поездки я оказываюсь взвинченной дальше некуда. Дышу «по квадрату», чтоб успокоиться, так как негоже психовать в 9 утра, когда еще куча дел.

Мой прогноз сбылся – вошли к врачу в 9.13. После приема сразу вызвала такси. Прождали до 10, но машина так и не нашлась.

«Если подождем еще, а в итоге не дождемся, то на автобусе потом не успеем, надо идти.»

Долбанные семьсот метров... Руки онемели, поясница болела, в боку кололо, психика сбоила. Сыночек, естественно, много задавал вопросов, просил идти помедленнее, хотел попить, полежать и на выставку кроликов (увидел по дороге афишу). Когда остановка оказалась в поле видимости, я увидела, что наш автобус отъезжает. Что делать? Кричать? Кричала. Махать руками? Махала. Помогло? Нет, конечно.

Следующий автобус только через 15 минут. Или можно с пересадкой... Заморочно, но зато вот едет нужная маршрутка. Решили, уселись.

На середине пути дети начали ныть от скуки, Булка порывалась соскочить с места и куда-то пойти, Карасик хотел пересест в конец салона... Боже, а можно притвориться, что не я их мать?

Наконец доехали до места пересадки. Это, кстати, была остановка возле нашего дома, на который я с тоской посмотрела и продолжила ждать автобус. К этому моменту состояние стало анабиозным. Я поставила кресло на землю, ссадила в него дочь с рук и присела рядом, чтобы просто отдохнуть. Сын увидел, что мать не в ресурсе, не в потоке и не в зоне комфорта, и стал гладить меня по голове.

«Мой мужчина... Хоть кто-то...»

От этой мысли естественно навалила вселенская обида и жалость к себе. Еще и автобус не ехал, а мы уже опаздываем... Короче, как уважающая себя истеричка, я разрыдалась.

— В моем личном топе непредсказуемых женщин, ты сто-процентно займешь все три призовых места, — раздался сильно сверху наглый баритон.

Глава 5

Ратмир

День обещал быть долгим. Последнее время в офисе я появлялся редко, мотался по переговорам и встречам, поэтому скопилось много бумажной работы. Полностью освободил день, чтобы подтянуть «хвосты», но все же не удержался и поспал с утра подольше. Уж лучше я вечером задержусь, чем попрусь куда-то ни свет ни заря. В конце концов, надо же использовать плюшки директорства?

Пока рулю, в голове строю план работы на сегодня, но ментально отвлекаюсь, проезжая мимо дома, возле которого активно укладывают спуск для колясок, ЕЁ дома.

Потом сознание цепляется за что-то, но мозг за ним не сразу поспевает.

«Какого...?»

ОНА сидит на корточках возле остановки и рыдает так, что даже отсюда мне видно ее вздрагивающие плечи. Рядом детское автокресло(?), в котором сидит малыха, а Матвей стоит рядом, обнимая мать.

«Это. Не. Твое. Дело. Не твое дело, Шувалов, просто продолжай рулить!»

Именно такие мысли были в моей голове, когда я перестроился в правую полосу. Они же преследовали меня, когда я остановил машину, заехав в карман для автобусов. И

определенно, то же самое крутилось внутри, когда я открыл дверь и вышел на улицу. Очевидно, только что я сам себя послал нахер. Потому что, ни секунды не раздумывая, подошел к НЕЙ и сказал сверху вниз:

— В моем личном топе непредсказуемых женщин, ты сто процентно займешь все три призовых места.

Затихла. Растерялась. Потом узнала. Как я это понял? По расслабившимся плечам. Почему она расслабилась, узнав меня? Хороший вопрос. Но ее неосознанное доверие почему-то шлифовало самолюбие и одновременно осязательно дало под дых.

Попыталась незаметно вытереть слезы, затем встала и обернулась.

— Что непредсказуемого в том, чтобы ждать автобус? — голос не дрожит, смотрит уверенно, плечи расправила. Моментально взяла себя в руки. Сильная девочка. Обожаю.

«Охренел, Шувалов, прекрати залипать!»

— Иногда важнее не что ты делаешь, а как, — ответил ей, усмехнувшись.

Уголки ее губ слегка дернулись в улыбке, а глаза... Глаза искрились и снова выражали миллион чувств в секунду. Какие же у нее эмоции... вкусные.

— Садитесь, подброшу, — говорю и с интересом жду реакции.

А объект моего изучения прикрывает глаза, делает глубокий вдох, открывает глаза, смотрит по сторонам, затем на

фитнес-браслет и выдает:

— Ты же даже не спросил, куда нам. Вдруг не по пути?

— Так я не автобус, куда рулю, туда и по пути.

— А если ты маньяк?

— А если я маньяк, то у меня настроение хорошее. Но не сегодня. Много работы и свидетелей.., — сказав это, указываю глазами на детей, а она так искренне хихикает и широко улыбается, что у меня сердце пропускает удар.

Не вижу смысла мерзнуть дальше, подхожу к Матвею, жму руку и говорю:

— Привет, дружище! Поможешь мне эту штуку установить? А то я раньше с таким делом не имел.

— Пливет, Латмил! Пошли, помогу.

Мы с малым быстро справляемся, потом подхожу к девочке, присаживаюсь и говорю:

— Привет, а тебя-то как зовут?

В ответ мелкая улыбается и машет рукой, но ответить, конечно, пока не может. Зато ее резвый брат тут как тут:

— Это Кила, она моя сестличка.

— Кира значит... Поедем кататься?

Не знаю, понимает ли она меня, но головой кивает утвердительно. Я взял ее на руки, усадил в кресло, а затем посадил рядом Матвея и пристегнул.

— В твоём присутствии я странно себя чувствую, — слышу растерянный голос за спиной.

— И как же? – оборачиваюсь, подходя ближе и глядя пря-

мо в глаза.

— Беспомощно, — отвечает едва слышно.

— Это хорошо или плохо?

— Я не привыкла быть беспомощной.

— Я вижу.

Все это время мы говорили шепотом, не отрывая взгляда. Мы стояли так близко, что я чувствовал ЕЁ запах. Она пахла корицей и нежностью.

Взял себя в руки, отвернулся и открыл ей дверь. Машинально подал руку – приняла. Легкое прикосновение пустило по телу ток. Хорошо еще, что она быстро одернула руку, сев в машину.

Вообще не понимаю, откуда этот порыв джентельменства. Я таким обычно не страдаю. Хотя, признаться, обычно и женщин вожу совершенно других и с другими целями. И мне абсолютно насрать на их неудобства. Хочешь катиться на красивенькой машинке в пафосный ресторан за чужой счет? Посади хотя бы свою жопу в эту машинку самостоятельно. Но с НЕЙ все по-другому. Её хочется усадить, пристегнуть включить обогрев сиденья. А я ведь все еще не знаю ее имени.

Обхожу автомобиль, сажусь внутрь, резче, чем необходимо, трогаюсь, наблюдая за своей пассажиркой боковым зрением.

Она будто чувствует:

— Нам нужно в поликлинику на соседней улице. Там где

детская площадка с арт-объектами.

— Как тебя зовут? — задаю вопрос невпопад и она на секунду теряется.

Потом замешательство в глазах сменяется осознанием, и она снова звонко хихикает. Да я бы ее смех на звонок будильника поставил. Кайф.

— Ольга. Меня зовут Ольга.

Киваю, не зная, что сказать дальше, из-за чего слегка хмурюсь. Она это замечает.

— Ты не переживай. Ехать нам недалеко, а если станешь на аварийке в карман для автобусов, не заезжая на парковку, то сэкономишь несколько минут.

— В принципе, если вы выпрыгнете на ходу, можно справиться еще быстрее.

— В смысле?

— В смысле, чушь не носи, — раздражаюсь, потому что бесит, что она принимает меня за какого-то индюка, который ради трех минут может вышвырнуть мать с детьми посреди дороги.

Дальше я вижу, как ее брови медленно поднимаются, затем она вздергивает подбородок, долго на меня смотрит и ледяным голосом произносит:

— Если мои слова тебе непонятны, это не делает их чушью, — отворачивается и смотрит прямо на дорогу.

А аленький цветочек-то с зубками. И в первую встречу наехала на меня. От меня мужики взрослые иногда обделы-

ваются, а тут... Львица. Глотку перегрызет и с тем же достоинством дальше пойдет. Обожаю. Я – идиот.

Извиниться бы надо, но я упрямо молчу. Потом начинаю разговаривать с мальцом. Рассказывает мне про свою игрушечную строительную технику. Вот эти темы по мне.

Добираемся быстро, заезжаю на парковку, вижу, что Львица постоянно проверяет время. На ходу отстегивается и, как только мы тормозим, порывается выбежать из машины.

— Сиди! – опять рывкаю.

Удивительно, но она замирает. Я быстро обхожу машину, открываю ее дверь и подаю руку. В этот раз она мой жест игнорирует, выбравшись сама и послав меня глазами нахрен.

— Если ты все-равно опаздываешь, нет смысла бежать, путаясь в ногах, — говорю спокойно, открывая заднюю дверь.

Пока обхожу машину, чтобы вытащить Киру, Ольга отстегивает сына и бросает мне в спину:

— С чего ты взял, что мы опаздываем?

— Слишком напряженно гипнотизируешь часы.

— Какие мы наблюдательные..., — ворчит себе под нос.

Потом за руку с Матвеем подходит ко мне и заявляет:

— Кресло отстегни, будь любезен.

— Зачем?

— Потому что оно наше, в нем ездит Кира, и я не планирую потом по городу искать твой внедорожник, чтоб его забрать.

— К врачу идите, я дождусь.

По ее ошарашенному взгляду понял, что она такого не ожидала.

— В этом нет необходимости, мы итак доставили тебе неудобства, я справлюсь.

Я начинал закипать. Гордячка упрямая.

— Знаешь, есть два типа женщин: те, которые живут с отключенным мозгом и не могут без мужика в своей жизни ничерта, и те, которые при любом случае пытаются показать яйца и подмять мужика под себя. И сложно понять, кто из них бесит больше. Чего тебе за мУжем-то не живется? Таскаешь детей по автобусам, себя загоняешь? Что и кому ты хочешь доказать?

Почему я говорил все это? Нет ответа. Что я хотел услышать от нее? Нет ответа. Просто меня вывело из себя, что она мою готовность помочь искажает. Я действительно срать хотел на чужие проблемы. Но не на ее. Поэтому ее реакция задевала. Сильно.

Неожиданно я увидел, что в уголках ее глаз проступили слезы

«Какого..?»

— Тебе стоит чаще общаться с женщинами. Тогда ты встретишь и третий тип. Те, кому очень хочется выключить мозг, но приходится отращивать яйца. Таких большинство. И это не их выбор, — выпалив все это тихим дрожащим слегка голосом, она забрала у меня дочку, взяла сына за руку и

пошла в сторону входа в поликлинику.

А я застыл на месте, обдумывая ее слова и понимая со странным удовлетворением: кажется, её муж – мудака.

Глава 6

Ольга

«Козел самоуверенный! Нахал! Грубиян! Аааааррр!»

Пока бежала с малявками в кабинет врача просто разрывалась от негодования внутри. Взялся непонятно кто, непонятно откуда и делает выводы о моей жизни! Еще и поучает! Да я сама как-нибудь разберусь, есть ли мне смысл торопиться или нет!

А ведь когда ОН навис надо мной на остановке я испытала что-то похожее на облегчение. Это было странно. Потом ОН развел бурную деятельность по усаживанию моих детей в машину. Мысленно я отказывалась от помощи и оставалась ждать автобус. А в реальности застыла и просто... ждала его действий.

Стоит признаться, что автобусов в поле зрения не было, а на часах было 10:50. Поэтому я просто обнаглела и позволила Ратмиру облегчить мне жизнь. Этот прием мы ждали месяц, я не могла сейчас все испортить, просто опоздав.

Потом опять случилось странное. Он подал мне руку, а я ее приняла. В чем странность? В том, что я не задумалась ни на секунду, опираясь на его ладонь. Я не вспомнила о муже. Не подумала, что этот мужчина мне чужой. Не удивилась такому галантному жесту (уже и не помню, чтобы мне помогали сесть в машину). Все это пришло мне в голову, но

позже. А в ту секунду, когда он потянулся ко мне, это показалось чем-то таким естественным и безусловным, что мне и в голову не пришло отшатнуться. Словно мы были знакомы много лет и все эти годы его ладонь поддерживала меня. Странно... Все это странно.

Разговор в машине не клеился. Наверное, он был раздражен тем, что мы нарушили его планы. Я чувствовала неловкость из-за этого. Все же надо было отказаться. Дура. Не зря он сидит нахмурившись.

Чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, предложила ему высадить нас на остановке, не заезжая на территорию больницы. Рывкнул. Так и не поняла, что я такого сказала...

Затем начался какой-то сюр. Оказалось, что, по его мнению, я сама стремлюсь тащить на себе все, чтобы выпендриться. Какой же он идиот. Ни одна женщина по доброй воле не захочет стать ломовой лошадкой. Но жаловаться на мужа я не собираюсь. Не твое это дело, Ратмир. Я – не твое дело. Мои трудности – не твое дело.

На прием мы все же успели. Весь обратный путь я настраивала себя на очередную перепалку, потому что Ратмир собирался дожидаться нас, а я не собиралась больше с ним взаимодействовать. Выйдя из здания, оглянулась в поисках знакомой машины. Ее не было.

«Неужели он уехал из-за нашей ссоры?»

Что ж... Я. Полная. Дура. Почему? Потому что 5 секунд назад мысленно кричала, что не сяду к нему в машину и

садилась в автобус, а сейчас... Сейчас мне горько от того, что он так просто уехал. Вовсе не потому, что придется добираться своими силами. Не из-за того, что мы остались без детского кресла. А потому, что я верила этому мужчине. Чувствовала, что его слово имеет вес. Что оно сильнее встречающих обстоятельств. Я ни на секунду не усомнилась, что Ратмир будет ждать. Ведь он сказал, что будет.

Сейчас я понимаю, что это глупо. Мы почти незнакомы. Все между нами — на уровне каких-то инстинктов. Я инстинктивно ему доверяю и опасаясь. Инстинктивно чувствую его силу. Лаву по венам от мимолетного касания рук. Что-то неправильное происходит, и хорошо, что он исчез. Но мне все-равно паршиво...

Направляемся с моими сладусяками на остановку. Они тоже устали, конечно. Сейчас пообедаем и баиньки. Главное — добраться поскорей.

— Ольга! — окликают меня сзади.

Оборачиваюсь и вижу мужчину лет сорока, высокого, слегка худощавого, лысого и запыхавшегося.

— Мы знакомы? — задаю ему вопрос.

— Меня зовут Владимир. Я — водитель Ратмира Олеговича. Ему пришлось срочно выехать на объект, потому он прислал меня довести вас.

Я едва не открываю рот от удивления. Первая мысль — развод. Не ясно, что от меня может быть нужно мошенникам, но лучше думать об этом, чем о (все-таки!) железобетонном

слове Ратмира, в котором я только что усомнилась. Вторая мысль — опять тащить детей в машину к незнакомцу?

Пока я стою, слегка зависнув, Владимир достает телефон, набирает кого-то и передает мне.

— Алло, — слышу в трубке спокойный глубокий голос.

— Это я, — единственное, что могу выдавить из себя.

— Вова вас довезет и проводит до квартиры. Автокресло у него, не переживай. Просто садись в машину, — говорит без предисловий тоном, не терпящим возражений.

— Я благодарна, правда, но.., — собираюсь отказаться, потому что одновременно чувствую неловкость от того, что доставляю Ратмиру хлопоты, и злость от того, что он указывает мне.

— Слушай, Львица, я сейчас зарычу. Поверь, я не срываюсь за пятьсот километров по пустякам, мне есть о чем запариваться сейчас, и меньшее, что мне нужно — отвлекаться, думая, нормально ли вы добрались домой после того, как я вас кинул. Поэтому. Просто. Сядь. В машину.

Он будет переживать? Чувствую предательское тепло где-то в грудной клетке. Он будет переживать за нас. Находясь где-то там и решая свои вопросы. Это отвратительно приятно, даже несмотря на раздраженные нотки в его голосе.

— Хорошо, решай свои дела спокойно, в машину сяду, Владимира, так и быть, не загрызу.

Что за чушь я сказала? Ну он же сам меня Львицей назвал, хех. Чувствую, что он на там улыбается.

— Оля?

— Что?

— Все нормально?

— В каком смысле?

— Вы же были у врача...

О. Наверняка это он из вежливости. НО. Вот Сергей даже из вежливости не поинтересовался, почему его сын идет к врачу. Так что...

— Все отлично. Просто у Матвея профилактический осмотр. Он в порядке.

— Хорошо.

— Ратмир?

— Что?

— Будь осторожнее за рулем...

— Пока, Львица, — говорит он как-то сдавленно и кладет трубку.

— Пока, — отвечаю тихо в пустоту.

Еще на пару секунд зависаю, а затем возвращаю телефон Владимиру.

— Ну что, идем? — говорит он.

— Да, ведите, — отвечаю и вижу, что он испытывает облегчение. Видно, Ратмир строгий босс и Вовчик боялся, что не выполнит указание и отгребет по полной программе.

Усаживаемся, всю дорогу Матвей восхищается машиной, а Кира, повторяя за ним машет руками и «огокает». Быстро добираемся до дома, там Владимир помогает нам выбраться

из машины, достает наше кресло и, как велел Ратмир, провожает до квартиры.

— Спасибо, Владимир, вы очень нас выручили, — говорю искренне и улыбаюсь.

— Всегда пожалуйста, всего доброго! – отвечает, улыбаясь, а за тем уходит, унося за собой ощущение присутствия Ратмира в нашей жизни.

Глава 7

Ольга

Пока детвора спит, лежу между ними и прокручиваю в голове сегодняшний день. Да кого я обманиваю? К черту день. В голове лишь десять минут. Десять минут с НИМ. Слова, взгляды, касание, перепалка, телефонный разговор...

Все тело ноет, хочется спать, но заснуть не получается. Закрываю глаза и вижу слегка нахмуренного Ратмира. Хотя кого я обманиваю снова? К черту глаза. Я вижу его даже, глядя в потолок.

Потом решаю его погуглить. Дорогая машина (и не одна), водитель, выезд на объект в соседний город и подозрительно начавшаяся укладка съезда для колясок возле нашего дома. Все это наводит на мысль, что Ратмир Олегович у нас большая шишка. Благо имя довольно редкое.

Спустя три минуты изучаю статью о директоре строительной компании, построившей наш дом. Шувалов Ратмир Олегович, значит...

Сама не замечаю, как вырубаясь. Просыпаюсь от того, что Кира ползает у меня по спине, а Матвей затыкает нос. Оба хохочут.

— Ох, я кого-то сейчас поймаю и съем, — говорю слегка рыча.

Малявки начинают смеяться еще громче и разбегаются в

разные стороны. Некоторое время играем с ними в догонялки, потом немного в прятки, потом усаживаю их полдничать, а сама начинаю готовить ужин.

Сергей сегодня приходит не очень поздно, а я решаю, что дуться больше не буду. От моих обид ничего не поменяется, а жить постоянно в конфликте вредно и детям, и их родителям.

— Дети, папа пришел, бегите скорее встречать! – тут же Матвей сорвался места, а Кира, в своей забавной манере, сползла со стула и побежала за братом.

— Пливет, папа! – закричал сынуля.

— Ава-аа-ва! – это уже доча.

— Привет, детский сад! – сухое приветствие.

«Да твою-то мать!»

Как же бесит он меня иногда. Ну это же его дети. Его кровь. Люди от чужих-то детей умиляются, а этот на своих плевать хотел. Я каждый раз их отправляю папу встречать. И каждый раз надеюсь, что Сергей с умилением посмотрит, как эти маленькие ножки к нему бегут, прочувствует всю безусловную детскую любовь, напится ею и подарит им свою взамен. Подхватит на руки, расцелует, скажет, что скучал.

А в реальности что? Сухое приветствие. Минут 15 игры в неделю. Иногда сказка на ночь. Отлично.

Негодую, продолжаю улавливать происходящее в коридоре. Сергей идет мыть руки, сладуськи перемещаются с ним в ванную, и Матвей что-то тархтит неразборчиво.

— Привет, ужинать будешь? – спрашиваю Сергея, который заходит на кухню.

— Нет, — бросает резко.

— Что-то случилось?

— Ты мне скажи.

— В смысле?

— Я бы хотел знать, кто такие дядя Ратмир и дядя Владимир. И почему МОЯ жена с МОИМИ детьми оказалась в их машинах?

— Разве не очевидно? — сохраняю голос спокойным, хотя внутри начинаю закипать. — Потому что мой МУЖ не может уделить пару часов своим детям и своей жене.

— Ты ничего не перепутала?

— А ты?

Тараним друг друга взглядом. В этот момент дети стоят за спиной Сергея, а последующий разговор совершенно не для их ушей.

— Лапуськи, пойдем в детскую, я вам дам новые раскраски и карандаши, порисуете немного.

— Ула! – радуется Матвей, а Кира следует его примеру.

Через несколько минут возвращаюсь на кухню, прикрыв дверь. Муж стоит на том же месте.

— Ольга, я, кажется, спросил, что за мужики крутятся вокруг тебя.

Честно говоря, этот разговор застал меня врасплох. Скрывать ничего не собиралась. Но и рассказывать тоже не дума-

ла. Я вообще думала не о том. Сейчас-то я понимаю, как всё выглядит. Но оправдываться мне не хочется. Мой мужчина отказался облегчить мне жизнь. Нашлись другие. Другой... Но у меня даже в мыслях не было ничего предосудительного. Кроме Ратмира. Наверное, неконтролируемые мысли о чужом мужчине можно отнести к категории предосудительного...

— Ратмир – случайный знакомый. Он директор нашей строительной компании. Мы познакомились на прогулке, обсуждая отсутствие пандуса возле нашего дома, — ведь и не вру, получается. – Сегодня он увидел, как мы ждем автобус у дома и предложил подвезти. Мы опаздывали, я согласилась. Обратно нас довез его водитель – Владимир. Всё.

— Всё? Всё, мать твою? Какого черта ты не отказалась? Позорище какое!

— Позорище? Ты охерел, муженек?! Позорище — сделать двоих детей и бросить их на жену. Позорище — когда эта самая жена как вобла воеет на остановке от усталости и безысходности. Позорище – плевать на своих детей! Вот что такое позорище. А принять помощь в сложной ситуации – это выход из нее! Просто выход! И не смей намекать на что-либо иное!

— Намекать?! Да я прямо говорю! По чужим машинам скачешь, как потаскуха, еще и с детьми!

— Да я бы рада потаскушничать без детей, да когда мне? – говорю притворно сладким голосом, а затем перехожу на

крик. — Когда мне быть без детей, а?! Я всегда с детьми!

— Интересно, какую благодарность теперь ждет от тебя целый директор?

— Не нужна ему никакая благодарность, — говорю яростно, сквозь зубы.

— Ой ли! Ну конечно. Социальная помощь матери и детям. Просто он — меценат, да? — каждое слово сочтется ядом.

— Просто он — мужчина, — говорю почти шепотом, чувствуя полное опустошение внутри.

— О как! Ну что ж, может он тебя с двумя детьми захочет принять? Попробуешь вещи собрать, а? Раз он у нас мужчина! А я получается кто?

— Ты — мой муж. И мудак, — говорю, подходя к нему и глядя в глаза.

Затем ухожу в душ, слышу, что Сергей раскладывает диван в кухне, а на выходе из ванной вижу, что дверь в кухню закрыта. Толстый намек на смену места дислокации.

«Скатертью дорога, сладких снов!»

Глава 8

Ратмир

Хоть и сказал Ольге, что буду спокоен, если она уедет с Владимиром, на деле остаюсь взвинченным. Нет, Володьке я доверяю. Ездит спокойно, без суеты, опыт огромный. Просто, меньше всего я хотел вот так без объяснений свинтить, бросив Ольгу с детьми. Выхода не было, позвонил куратор стройки из соседнего города и сообщил, что строители херни втихаря наворотили. Пришлось срочно выехать. Обычно я, вполне эффективно, отвечаю люлей дистанционно или замов направляю. Но эта многоэтажка – госзаказ, так что предпочитаю контролировать сам.

Мысли от работы опять вернулись к Ольге. Как она там? Скорее всего уже вернулась домой. Надо будет у Вовы потом узнать, как доехали. «Будь осторожнее за рулем...» — вертится в голове. Черт. Вроде и дежурная фраза, а приятно. Видимо, за пять минут в моей машине, срисовала, что у меня не самый спокойный тип вождения. Наблюдала. Подмечала. Где-то внутри необоснованно раздулось эго, а на рожу напозла довольная улыбка. Хрена ли ты поплыл Шувалов?! Бешу сам себя, блин.

Телефон пиликнул – сообщение пришло. От Володи.

«Девушку доставил, до квартиры проводил. Форс-мажоров не было. Если будут поручения, я уже в офисе.»

Только подумал связаться, как он объявился. Молодец, Вовка, премию выпишу. Что ж... По крайней мере, Оля дома, и теперь вряд ли пойдет плакать на остановку. Обычно женские слезы меня раздражают. И не потому, что я их воспринимаю как беспонтовую манипуляцию. Бывают, конечно, «актрисы», которые успешно пускают слезу в нужный момент. Но чаще всего телки хнычут, потому что действительно хнычется. А хнычется им всегда, когда что-то не по их. В такие моменты я смотрю и думаю: неужели нельзя подключить фантазию и добиться своего как-то нетривиально. Даже скандал с битьем посуды и то был бы эффектнее, чем скучные слезы. Ну убеди ты мужика, поставь условия, психани, соблазни... Столько разных вариантов.

Но Олины слезы ощущались иначе. Возможно, дело в том, где и как она плакала. Вполне нетривиально. Есть у меня подозрение, что она не очень склонна рыдать и жалеть себя. Иначе бы уже загнулась. Не знаю, почему ее дети не в саду, но если Львица с ними 24/7, то удивляюсь, как она еще башней не поехала.

С другой стороны, она рыдала посреди улицы и пыталась сесть в автобус с автокреслом... Может я и погорячился с непоехавшей башней. Интересно, что случилось. Я так и не успел узнать у Ольги, контекст ситуации. Да уж, эта женщина действительно умеет быть неожиданной.

Так с мыслями о Львице я добираюсь на объект, под микроскопом рассматриваю все косяки, ору на причастных, чуть

тише ору на непричастных (для профилактики), выдаю всем поручения на ближайшую неделю и обещаю приехать лично, чтоб проверить их исполнение. Короче, день долгий, эффективный, тяжелый, и опять накрылась моя бумажная работа. Хотя кого я обманываю. Мысли об Ольге все-равно не дали бы сосредоточиться в офисе.

Раз пять мысленно бью себя по морде, чтоб выбить дурь о Львице из башки. Результат? Никакого. В итоге, решаю пойти от противного: «наесться» мыслями о ней так, чтоб больше не хотелось. Поэтому на обратном пути пытаюсь прикинуть, что у нее за отношения с мужем, если она со слезами на глазах говорит про вынужденно отрощенные яйца.

Интересно, при каких обстоятельствах я бы мог отправить свою женщину со своими малявками куда-то на общественном транспорте? Ну, теоретически, если б сдох. Ну или... Да без или. Если б заболел – вызвал бы водителя. И какую-нибудь толковую няню в помощь, чтоб Ольга в поликлинике не одна слонялась. А лучше две няни, а Львица бы осталась со мной в качестве персонального доктора...

Полагаю, нет смысла уточнять, что следующее, о чем я подумал было горячо, громко и без одежды.

«У меня встал на чужую жену. Твою-то мать...»

Решил, что с такими фантазиями рискую не доехать домой в целости, поэтому врубил какую-то музыку и приоткрыл окно. Прохлада и что-то бьющее по ушам постепенно уgomонили гормоны, но от мыслей так и не отвлекли.

Глупо отрицать, что Оля меня зацепила. С первой встречи. Глазищами своими. Выдержкой. Ведь сложно не заметить, что темперамент в ней дикий, добавим к этому хроническую усталость. С такими вводными, в нашу первую встречу она должна была бы швырнуть мне в лобовуху кирпич. А она всего лишь пару раз огрызнулась, потом взяла себя в руки и даже «спасибо» сказала на прощание.

Короче, мне интересно. Интересно, какой у нее распорядок дня, как она общается с мужем, кем работала раньше, чем увлекалась. Интересно, что доводит ее до бешенства, а что радует. О чем она мечтает. На что обижается. И особенно интересно, что ее возбуждает. Нравится ли ей бешеный секс или нежные ласки. Насколько она открывается в такие моменты. Громко ли стонет. Черт...

Понял, что опять свернул на скользкую дорожку похотливых мыслей и решил купить кофе на ближайшей заправке.

Пил я эту отвратную жижу, даже не морщась. Потому что на вкус внимания не обращал. Ведь все мысли о НЕЙ привели к закономерному вопросу.

«Готов ли я воспитывать чужих детей?»

Будь у Ольги лишь муж, я увел бы ее, не задумываясь. Но дети... Во-первых, если рушишь брак, в котором есть дети, ты обязан отдать женщине себя целиком и до конца. Только последняя гнида может лишить детей отца, а потом махнуть хвостом, сослаться на остывшие чувства и свалить. Но это только половина дела. Ведь дети доставляют проблемы.

Много проблем. И как быть уверенным, что в сложный период не появится мысль о том, что тебе все это нахер не удалось.

И если разобраться с чувствами к Ольге я бы, вероятно, смог, то с детьми сложнее. Ведь до этого момента я не задавался вопросом даже о своих детях.

Глава 9

Ольга

«Аааааа! Да откусите мне уже эти дурацкие пальцы!»

Именно с этой мыслью я начала просыпаться. Почему? Потому что первое, что я почувствовала этим утром – зуд. Пальцы на руках чесались настолько, что я бы с радостью содрала с них кожу, лишь бы это прекратить. Открыв глаза, стала осматривать руки. Покраснение и отек. Забавно. Пошла умываться. Может пару минут под холодной водой успокоят кожу, а там будем думать. Ой, как голова чешется! Да уж, проблемы сегодня нетипичные.

Залетаю в ванную, открываю холодную воду, подставляю под нее руки, кайфую, прикрыв глаза. Распахиваю глаза. Вижу свое отражение.

«Что за хрень?»

Мое лицо в пятнах. Понимаю, что пятна эти тоже чешутся. Такое я уже видела. У Киры несколько месяцев назад. Я почти уверена.

«Долбанная крапивница...»

Накрывает легкая паника. Во-первых, все ужасно чешется, поэтому сосредоточиться сложно. Во-вторых, сейчас козавки проснутся, надо будет выполнять материнские обязанности, а меня качает на волнах тревожности (о да, вопросы здоровья меня до неврастения доведут). В-третьих, дочку с

этой хреню в срочном порядке госпитализировали. А мне нельзя в больницу ни при каких обстоятельствах.

— Пливет, мама-кошка! – это мой маленький выдумщик проснулся.

— Привет, котенок! – рассеянно отвечаю и целую сына в макушку.

— Я не котенок! Я щенок! Ав-ав!

— А Кира?

— А она – кошечка.

— А как же ты щенком получился? – немного отвлекаясь от своей пятнистой проблемы, предвкушая нестандартный ответ сына.

— Да потому что папа – пес, – отвечает невозмутимо.

Я чуть не начинаю хохотать, вложив в невинное заявление вполне себе взрослый смысл.

— Понятно, сыночек, буду знать, — улыбаюсь лапуסיку и увожу на кухню.

Там я готовлю завтрак, не попадая отвечая на вопросы сына, а сама думаю, что делать.

Кире кололи гормон и антигистаминное, еще я давала ей сорбент. Нужно выпить что-то от аллергии. Начинаю рыться в аптечке. Миллион сиропов от кашля, спреев от насморка, жаропонижающих... В этот момент заходит дочь, подтаскивает стул к столешнице, залазит на него и с возгласом «Уаааау» пытается схватить какую-нибудь коробочку.

— Кирочка, нельзя! Это лекарства, к ним не подходим без

назначения врача, а то животик заболит, — пытаюсь миром решить вопрос.

Но вы же понимаете... Следующие десять минут я (и соседи снизу) выслушиваю самозабвенную истерику с катанием по полу, а заодно мечтаю содрать с себя кожу. Не выдержав, бегу в ванную, чтобы умыться холодной водой. Задержав взгляд в зеркале, вижу, что пятна появились на шее и в зоне декольте. Дело плохо.

Возвращаюсь на кухню. Дочь затихла, но увидев меня, снова плюхнулась на пол и стала выдавливать слезы. Обычно я так не делаю. Но сейчас меня спасет только одно... Включаю мультики.

Пока малышня, затихнув, завтракает, продолжаю перебирать аптечку и нахожу сорбент. Выпиваю. Пусть выводит из организма лишнее. Наконец нахожу антигистаминное. Смотрю срок годности. Просрочено. В аптеку надо.

Представляю, как сейчас буду собирать детей на улицу и натягивать на свою пятнистую шею шмотки, и появляется желание залезть под кровать и заскулить. Утешаюсь тем, что прохлада может слегка унять зуд.

Сосредотачиваюсь на сборах, пытаюсь не давать детям отвлекаться.

— Котики, у мамы аллергия. Видите пятнышки? Мамуля заболела и плохо себя чувствует. Давайте поскорее зайдем в аптеку, хорошо?

— Конечно, мамуля! — с готовностью отвечает сын.

— Ага! — кивает дочь.

Бежим в аптеку. На ходу ищу в интернете, какое антигистаминное безопасно при грудном вскармливании.

Покупаю таблетки и прямо в аптеке глотаю одну. Выходим и отправляемся гулять. Надеюсь, к моменту возвращения домой, таблетка подействует и меня хоть чуточку отпустит.

Прохлада влияет на меня хорошо. На прогулке я почти расслабляюсь. Возвращаемся домой, сажаю детей обедать и решаю осмотреть себя на предмет сыпи.

«Плохо дело.»

Сыпь появилась на груди и ногах. Вспоминаю страшилки про отек Квинке. А у меня двое детей, если я задохнусь, они точно что-нибудь разобьют и покалечатся. Решаю позвонить в нашу поликлинику.

— Добрый день! Подскажите пожалуйста, есть ли у вас дежурный аллерголог?

— Здравствуйте, что у Вас случилось?

— Я проснулась с пятнами на теле, они чешутся и разрастаются. Похоже на крапивницу.

— Аллерголога у нас нет, был терапевт, но сейчас он на вызовах. Давайте оформим вызов на дом, он к Вам заедет.

— Хорошо, давайте.

Пока диктую оператору свои данные, думаю, чем мне поможет терапевт на дому. Но вариантов нет, детей надо укладывать, а мне понимать, что делать дальше. Поэтому решаю

дождаться врача.

Проходит час, количество пятен все больше. Пью чай, чтоб успокоиться и понимаю, что пальцам неудобно держать чашку. Присматриваюсь – отекли. Рассматриваю ноги – та же картина. Пу-пу-пу. Нехорошо.

Что ж, ситуация переходит в категорию критических. Придется звонить мужу.

Набираю пару раз – не отвечает. Неужели обиженку из себя строит?

«Твою ж за ногу!»

Звоню еще раз десять, показывая, что дело срочное. Наконец, до него доходит, и Сергей берет трубку.

— Алло, — буркает недовольно.

— Привет. У меня, кажется, аллергия. Я вызвала врача, но его все нет, а я начала отекать. Мне нужно сходить в неотложку, чтоб меня посмотрели и укололи. Приедь, пожалуйста, домой, — в панике выпаливаю все это на одном дыхании.

— До конца рабочего дня всего два часа. Это не подождет? – спрашивает так задолбанно, будто я от скуки пытаюсь сорвать его с работы.

— Нет, Сережа! Это не подождет! Я могу задохнуться от отека Квинке, а со мной твои дети! – начинаю орать на него, потому что чувствую беспомощность. Если он не приедет, я не представляю, что делать.

— Тише будь! Сейчас приеду, — рычит в трубку и сбра-

сывает.

Начинаю плакать, потому что иррациональный страх смерти, беспокойство за детей и злость на мужа захлестывают с головой. Меня трясет. Пытаюсь взять себя в руки, одеваюсь и достаю документы.

Сергей приезжает через пятнадцать минут. И на том спасибо. Состояние мое его конечно, не интересует. Да плевать. Мне нужно просто быстро вернуться в строй, и я снова от него зависеть не буду. Выбегаю из квартиры и направляюсь в приемное отделение. Там у нас городская неотложка. На мое счастье – в шаговой доступности от дома.

«Спасибо, Ратмир, что построил дом именно здесь...»

Что за мысли? Совсем двинулась. Хотя, стоит признаться, что мысли о Шувалове вырывают меня из паники, в которой я пребывала последние несколько часов.

«И за это тебе спасибо.»

В неотложке аллерголога тоже нет. Терапевт отправляет меня на ЭКГ и анализ крови. Затем мне ставят два укола.

— Ольга, — обращается ко мне врач, — с Вашим состоянием мы должны Вас госпитализировать в центральную районную больницу соседнего района. Ближе мест нет. Но у вас, как я поняла, дети, так что вряд ли вы поедете, я права?

— Конечно, их мне оставить не с кем. Тем более, я кормлю грудью, — отвечаю взволнованно.

— А сколько ребенку?

— Полтора года, — отвечаю, заранее зная следующую

фразу.

— О, уже много. Мы вам гормон вкололи, с ним кормить нельзя, да и с вашим состоянием тоже. Так что заканчивайте, — говорит терапевтша с безразличным выражением лица.

Я закатываю глаза и начинаю психовать. Но высказывать ей ничего не хочу. Знаю, что это бесполезно. Я сына кормила до двух лет, вот уже полтора года кормлю дочь и знаю, что 9 из 10 врачей скажут прекращать кормить вместо того, чтобы заморочиться и подобрать терапию совместимую с ГВ.

Может кто-то считает меня чокнутой. Но отлучение, на мой взгляд, должно быть мягким. Это садизм, просто вернуться домой и перестать давать грудь ребенку, который еще спать без нее не может.

— Подскажите, когда выведутся препараты?

— Через 12 часов.

— Я поняла.

Дальше врачаха еще что-то заливала про ГВ, подсунула мне отказ от госпитализации (тут я, кстати, не против), сообщила, что пятен на лице уже нет и отправила домой.

Вернувшись, я убедилась, что пятна на лице сошли, отек спал. Осталась сыпь на бедрах и груди, но стала она более оформленной и бледной. Невероятное облегчение. Расслабившись, я приготовила ужин и мы, впервые за долгое время, тихо и спокойно поели всей семьей. Ложилась спать я с верой в то, что все наладится.

«А что все-таки вызвало такую аллергию?»

Глава 10

Ольга

Утро. Мозг просыпается и, в первую очередь, сканирует тело. Вроде не чешется. Фух.

Нетерпеливо лечу к зеркалу. На лице пятен нет. Снова фух.

Осматриваю себя. Пятна на груди и бедрах еще есть, но вроде побледнели.

«Ладно. Нужно просто жить и забыть о них. Пройдут. Нечего себя накручивать.»

Пока готовлю завтрак, просыпаются мои малявки.

— Мамулик, доброе утло! – несется ко мне Матвей.

— Мааааа! – обхватывает меня за ноги Кира.

Присаживаюсь, обнимаю их, расцеловываю и отправляю переодевать пижамы. Сыночек отправляется в комнату, а дочура, там же, где стояла, все с себя стаскивает и восторгается результатом.

— Мама, уааааууу! – при этом кружится вокруг своей оси и хохочет.

Собираю с пола вещи, отставляю с огня сковороду, на которой жарила блинчики и сажусь на диван, чтобы одеть Киру.

— Мама, я готов, — возвращается Матвей, — что на завтлак?

— Творожок и блинчики, котик.

— Ням-ням, — так доча сообщает, что уловила нить разговора.

— Да, крошка, будем ням-ням, — говорю, усаживая ее за стол, — вот вам творожки, кушайте пока я сделаю блинчики, и они подостынут.

Возвращаюсь к плите, продолжаю готовить.

— Мама, а где голшок?

— В коридоре сиденье, а сам горшок в ванной.

— Я доел тволожок, можно пописать?

— Конечно, зайчик, может на унитаз?

— А кто тогда Киле покажет, как ходить на голшок? — спрашивает у меня с таким лицом, будто я глупость сморозила.

— Ну раз это в образовательных целях, то ладно, — отвечаю, улыбаясь.

Сын уходит, я переворачиваю блин на сковородке и слышу:

— Мама, у меня плоблемка! Я забыл поставить голшок и пописал в дылку на пол.

Ну, началось. Ладно, держим себя в руках.

— Матвей, стой, где стоишь и не двигайся.

Бегу в ванную, включаю воду, подставляю ведро, хватаю половую тряпку. Бегу к сыну, оцениваю потоп. Класс. Расстилаю тряпку поверх лужи, чтоб впитывала, беру сына и горшок, несу в ванную. Достаю ведро с водой, ставлю горшок

и сына в ванну. Мою их по очереди.

Отпускаю сына, выхожу с ведром в коридор, мимо меня пробегает дочь, весело смеясь. Дочь забегает в комнату, а затем я слышу «бум» и «дзынь». Грохнулась.

Стоп! В смысле «дзынь»?

Забегаю в спальню: моя дочь лежит на полу, а перед ней коробочка от творога, дальше творог, который десантировался из этой коробки и во главе этого безобразия ложка. Вот и «дзынь» обнаружился.

Пока думаю, что убирать в первую очередь, чувствую запах гари.

«Блиииииин!»

Хватаю дочь, которая вся в твороге, бегу на кухню, выключаю плиту, бегу в ванную, включаю воду, сажаю дочь. Проверяю сына, собирает у себя конструктор, мне это на руку.

Возвращаюсь к потоку в коридоре, вытираю все, потом меняю воду и еще раз промываю.

Дальше иду в спальню. Забираю упаковку и ложку, собираю тряпкой творог, меняю воду, мою, беру другую тряпку, вытираю капли, попавшие на стену.

Дочь начинает звать меня, потому что ей надоело купаться.

— Сейчас, лапуль, мама почти идет!

Заканчиваю с ликвидацией последствий, бегу мыть и доставать дочь, попутно благодаря судьбу, что мне некогда ку-

пить в спальню ковер.

— Мама, а когда блинчики будут? – спрашивает, забежавший в ванную Матвей.

— Сейчас, сынулик, Киру достану.

Пока наклоняюсь к ванной, вижу себя боковым зрением в зеркале. Что-то не так. Взяв дочь на руки, смотрю на себя. На лице снова пятна.

«Твою-то мать!»

Ладно, разберемся. Усаживаю малышню за стол, раздаю блины, а сама начинаю в интернете искать аллерголога, срочно и, желательно, в шаговой доступности. Удивительно, но мне это удастся. Главное – успеть собрать малявок. Прием у меня через 45 минут.

— Так, детский сад, работаем челюстями интенсивнее, маме надо к доктору, — подгоняю Матвея и Киру, а сама начинаю одеваться. Дочь справляется с едой быстрее, начинаю ее одевать. Сына, как обычно, приходится подгонять через каждые полторы минуты, а то завтрак растянется до обеда.

Чтобы ускорить процесс, сына тоже одеваю сама. Из дома вылетаем за 15 минут до приема, но клиника недалеко, поэтому рассчитываю успеть.

Подталкивая два велосипеда, бегу, выплевывая легкие (ничего необычного). За 5 минут до приема забегаем в клинику и видим очередь в регистратуру.

«Платная клиника, двадцать первый век... Очередь за медкартами? Вы серьезно?»

Когда подошла наша очередь, мой прием шел уже 3 минуты. Голова чесалась все сильнее. Потом женщина за стеклом, которая познала жизнь и не торопится, миллион лет заводи-ла мне карту. Да как же чешется! И вот, спустя десять ми-нут и одиннадцать подписанных бумажек, я наконец попала в кабинет к аллергологу.

— Здравствуйте, можно? – спрашиваю, заглянув в каби-нет и, надеясь, что не придется выслушивать возмущения по поводу опоздания.

— Добрый день! Конечно, — отвечает доктор вполне при-ветливо.

Заходим всей честной компанией, усаживаемся.

— А мама с группой поддержки? – спрашивает врач, об-ращаясь с улыбкой к детям.

— Конечно! – отвечает бодро Матвей. – Мы нашу мамулю никуда одну не отпускаем.

— Понятно, — переводит взгляд на меня, — ну, расска-зывайте.

— Вчера утром я проснулась от ужасного зуда пальцев. Потом зачесалась кожа головы и появились пятна на ли-це. Они тоже чесались. Потом пятна стали распространять-ся. Декольте, грудь, ноги. Я выпила антигистаминное и сор-бент – эффекта не было. Потом почувствовала, что конеч-ности начали отекать. Прямо как при беременности. Испу-галась отека Квинке, обратилась в неотложку, меня там уко-лоли, сыпь практически вся сошла. Сегодня утром просну-

лась только с остаточными пятнами на груди и бедрах. А потом дети меня слегка выбили из колеи и лицо опять покрылось..., ну вы сами видите.

— Вижу. А есть ли у Вас версии, на что может быть такая реакция?

— Сложно сказать. Четыре дня назад я лечила зубы, три дня назад сделала маникюр в новом месте. Соседи тогда же приходили с тортом на чай. Кроме торта было много конфет и возможно, я с ними переборщила. Еще позавчера я тканевую маску сделала, может на нее...

— Я поняла вас. Сейчас я вас осмотрю, затем направлю на укол. Очень советую сделать анализ крови. Напишу вам рекомендации по антигистаминному и последующей терапии. Если через 10 дней пятна полностью не перестанут появляться – нужно будет сдать аллергопробы.

Через 15 минут я вышла из клиники, надеясь на лучшее. Снова.

К вечеру из беспокойства осталось только огромное пятно у основания шеи и пятна под ягодицами. Чтобы отвлечься, принялись с детьми сортировать игрушки и мыть полы в детской. Когда выливала воду из ведра, почувствовала смутное беспокойство. Прислушалась к себе. Губы изнутри саднят. Будто зубы их натерли. Подошла к зеркалу: понравилась себе. С чего это? Да просто выгляжу так, словно где-то 0.5 гиалуронки себе в губы вколола.

«Да нет. Это мне на нервной почве кажется. Мне же укол

сегодня делали, не могу я отекасть.»

Услышала хлопнувшую входную дверь. Дети побежали встречать отца. Я тоже.

— Привет, Серёж! Посмотри на мои губы, они выглядят как обычно? – налетела на мужа с порога.

Он сначала удивился, потом нахмурился и внимательно посмотрел на меня:

— Нет, не как обычно. Пухлее.

— Блин! – сорвалась с места и начала снова собираться в неотложку, потому что поздним вечером других вариантов нет. – Сереж, я в приемное, ужин на плите, детям тоже наложу, походу я опять отекаю.

Поцеловав малявок на прощание, я отправилась за спасительным уколом.

Как и в прошлый раз мне вызвали терапевта. Только эта дама была крайне нетерпеливой и недовольной. Выслушав мои жалобы, она заявила:

— Госпитализироваться будем?

— Нет, у меня двое детей и младшая на ГВ. Мне нельзя в больницу.

— Вы такая интересная! – фыркнула она. – Вылечиться мы хотим, а делать для этого ничего не хотим! Вы понимаете, что я вас сейчас уколую, а завтра вы на прогулке с детьми задохнетесь и умрете. Тогда ГВ точно придется свернуть.

Какая же с... Я итак на панике, а она тут со своей шоко-терапией. Пытаюсь глубоко дышать.

— Другие варианты есть?

Коза в халате смягчается:

— Вы поймите, мы отвезем вас в районную больницу, там достаточно мягкие порядки. Они может вас сразу отпустят домой, будете приходить днем только на процедуры.

— А такое возможно? – спросила я с надеждой.

— Конечно. Там вас обследуют, возьмут аллергопробы, выяснят причину такой острой крапивницы, — продолжала она меня уговаривать.

— Хорошо, — я обреченно вздохнула, — только мужа попрошу вещи привезти.

— Просите. Я как раз оформлю документы и вызову скорую для перевозки, — с этими словами коза в халате удалилась.

Глава 11

Ольга

«В какое же дерьмо катится моя жизнь?!»

Думала я, пока пропускала мимо своего сознания большую часть криков мужа. Но сосредоточиться в итоге пришлось, не могла же я ехать в стационар без вещей.

— ..., твою мать, это ж как специально! На работе кадровые перестановки, я жопу рву, чтобы меня заметили! Я похож на няньку? Что я с ними двумя делать буду?!

— Сергей?

Но муж не услышал моего оклика:

— Неужели ты порешать не могла? Напиши им бумажку, что претензий не имеешь и все, в чем вопрос-то? И людей не надо полошить!

— Каких людей, Сереж, каких? — я была напугана, зла и в отчаянии, поэтому орать начала так, что люди на меня оборачивались. Плевать. — Ты имел в виду, что я не буду полошить тебя, не так ли? Так вот. Мне НАСРАТЬ, что ты скажешь на работе! И я не буду писать никаких бумажек! Я сдохнуть могу, задохнувшись! До тебя не дошло??? И если ты забыл: эти «двое» — твои дети! Твои! А не балласт, который я, так некстати, сгрузила на твои плечи. И еще. Когда ты мне их делал, я тоже нянькой не была! Ничего разобралась! И ты ж вроде дееспособный? Разберешься, мать твою!

— Ты охерела?! — все, что смог вымолвить мой благоверный тихим угрожающим голосом. Я малодушно порадовалась, что мы говорим по телефону, а не вживую. Однажды, два года назад я познакомилась с последствиями этого тона. Плечи невольно передернулись.

— Знаешь, — устало сказала я, — не надо вещей, забудь, я разберусь. Просто, пожалуйста, не угробь МОИХ детей, — произношу, ожидая, что он поправит и скажет, что дети НАШИ.

Гудки. Он положил трубку. Чееееерт.

Следующий час прошел на автопилоте. Меня захлестывала паника. Во-первых, последние четыре года я всегда с детьми. Всегда. Только, когда рожала Киру, оставила Марка со своей мамой на три дня. Она специально перед родами прилетела к нам на месяц, чтобы повидаться, познакомиться с внучкой и помочь. Мама у меня замечательная, только живет на другом конце страны. А еще жутко боится летать. Так что видимся мы нечасто.

Свекрови детей оставить я не могу. Отношения у нас с ней... В общем, если бы у нее был ядерный чемоданчик, то ради моего устранения, она бы не пожалела сопутствующих жертв. Женщина искренне меня ненавидит и делает все, чтобы я, даже умерев, не доверила ей детей. А потом еще и мастерски обижается.

Муж... Не проводил ни разу наедине с детьми больше двух часов. И то, потом всегда неделю отходит от того, как

«устал».

Чувство беспомощности убивает. Я же сильная. Я всегда в строю. Я не могу сломаться. Что же мне делать?

Пока в моей голове творится катастрофа, доезжаем до больницы, по второму кругу отвечаю на вопросы. Делают ЭКГ. В неотложке ж тоже делали. Плевать.

Грудь налилась. Ссидиться надо. Вспоминаю о дочери, которая останется и без груди, и без моего присутствия. Начинаю плакать. Врач говорит, что наступил конец моему ГВ. Плачу уже не сдерживаясь. Сама себя не узнаю, я за всю жизнь не пролила столько слез, сколько за последнюю неделю. И еще слегка бешусь, что все вокруг считают своим долгом поставить крест на моем кормлении грудью.

Резко начинает не хватать воздуха. Дышать. Надо дышать. Не могу.

Врач что-то кричит медсестре. Меня заталкивают на кушетку и делают какой-то укол. Отпускает. Вдох.

— Хорошо, что вы решились госпитализироваться. Мы вам приступ быстро сняли, а дома непонятно, что было бы, — говорит врач.

Меня отводят в нужное отделение. Заводят в палату. Приносят какой-то аппарат. Делают ЭКГ. Уже третий раз. Забавно.

— Где ваши вещи? – спрашивает медсестра.

— У меня их пока нет. Я не из дома к вам попала. Так получилось.

— Если что, подойдете на пост, мы вам дадим полотенце, мыло и посуду, — говорит мне участливо.

От этого небезразличия реакция мужа на происходящее режет нутро еще острее, снова катится слеза. Смахиваю ее и отвечаю:

— Спасибо...

Оставшись одна, осматриваюсь. В палате я и три бабули. Ой. Кажется, я помешала их сну своим приходом. Выключаю светильник над кроватью. Ложусь, пытаюсь уснуть. Бесполезно. Мысли бродят по голове и ничем их не выгнать.

Захожу в приложение доставки товаров. Делаю заказ на утро из супермаркета. Там даже какая-никакая пижама находится, чтоб переодеться. Хоть тут повезло. Когда заканчиваю «собирать вещи в больницу», откладываю телефон, на котором три часа ночи, и вновь закрываю глаза.

Опять мне представляются дети. Как они плачут и ищут маму. Я сдохну так. Стараюсь думать о чем-то нейтральном. Вспоминаю свою работу, коллег, универ, школу. Глаза Ратмира. Почему? Понятия не имею. Просто всплыли посреди всего, что носилось по моей голове. Даже, появившись в воспоминаниях он дарит мне уверенность и силу. С мыслью о НЕМ засыпаю.

На следующий день творится какой-то сюр. Муж звонит каждые десять минут. Хотя это меня устраивает. Так я могу контролировать ситуацию хоть сколько-нибудь. Конечно, я в красках выслушала, как дочь всю ночь плакала и звала маму.

Сердце разрывалось. К вечеру я поняла, что настолько ушла в мысли о детях, что перестала воспринимать происходящее вокруг. А происходила полная хрень.

Меня положили в терапевтическое отделение. Что это значит? Что на все 20 палат здесь пенсионеры-сердечники и я. Персонал в шоке. Как лечить кого-то, кому не надо ставить мочегонное и давать таблетки от сердца, тут не понимают. Весь день ко мне никто не приходит, кроме медсестры, которая кинула мне четыре пачки ваты и попросила сделать ватные шарики для стерилизации, а то им некогда.

Я начинаю закипать. Дети там. Я здесь. А смысл, если меня не лечат?

Прошу вызвать врача. Приходит дежурный, отнекивается от меня тем, что наш врач на выходных, придет – ответит на мои вопросы. А он всего лишь дежурный, его хата с краю. И давление может померять.

Добивает вечерний звонок мужа.

— Тебе сказали, на сколько ты там? – спрашивает раздраженно.

— Нет. Как дети? – отвечаю максимально бесцветно.

— Нормально твои дети! – огрызается.

— Наши... Вроде как.

— Не цепляйся к словам. Выясни перспективы, мне нужно построить план действий.

Гудки.

«Шел бы ты в жопу, как тебе такой план действий?»

Обреченно ложусь на кровать и пытаюсь разогнать желе в голове. Стресс знатно подкосил когнитивные способности. Но надо брать себя в руки и решить, на кого орать.

Приняла решение, что пойду завтра к заведующей отделением и, если не услышу внятных мыслей по своему лечению, выпишусь и накатаю на них письмо в департамент здравоохранения. Звучит как «план действий». Успокаиваюсь. Это уже больше похоже на меня. Не хныкать и жалеть себя, а действовать. Улыбаюсь устало. Засыпаю.

Глава 12

Ратмир

День начался коряво. Вот прям вся дичь, что могла случиться, случилась. К обеду я задолбался отвечать на звонки, раздавать люлей и мотаться по срочным вопросам. Хотя, если подумать, такой режим для меня норма. Но вот сегодня он почему-то напрягал. Непонятное чувство не отпускало. Бывает так, что ты живешь и ощущаешь где-то глубоко внутри беспокойство. Стараешься отмахнуться от него, все же вроде нормально. Но в результате останавливаешься и начинаешь расковыривать свое нутро, чтобы выловить то, что тебя гложет. Обычно получается столкнуться с проблемой и разобраться. Но не сегодня.

Открываю ежедневник, сверяюсь с открытыми задачами. Вдруг я о чем-то забыл, а подкорка помнит. Не то, все, что требовало внимания, его получило. Единственное... Я еще не проверял, как идет работа по укладке пандуса возле дома Львицы. Может это и свербит. Определенно. И вовсе не в том дело, что я надеюсь ее встретить там. Просто я привык все доводить до конца.

Убедив себя в этом, я вышел из кабинета и предупредил секретаря, что могу не вернуться сегодня. Почему? Понятия не имею. Интуиция подсказывала приближение звездыца.

Через десять минут уже парковался возле нужного дома.

Все-таки удачно, что он так рядом с офисом.

— Привет, мужики! Что тут у вас? — задаю сразу интересный вопрос, подходя к строителям.

— Здравствуйте, Ратмир Олегович! — отвечает бригадир. — Вот, скоро закончим. Работали ювелирно, от проекта не отличите. Прямо за такую кладку не стыдно.

— Вам за любую свою работу не должно быть стыдно, — бурчу в ответ, рассматривая спуск, — это зовется профессионализмом.

— Да, конечно, — тушуетсЯ бригадир, а его ребята демонстрируют деятельность еще интенсивнее.

— Ладно, — говорю смягчившись, — тут действительно все отлично. Не слейте все в конце только.

— Ратмир Олегович, обижаете! В лучшем виде сделаем!

Потом прощаемся, я собираюсь вернуться к машине, но решаю обойти дом. Вдруг еще косяки обнаружатся. И нет, дело не в том, что я надеюсь встретить Львицу на детской площадке за домом. Просто я привык все доводить до конца.

На площадке действительно кто-то есть. Подхожу ближе, узнаю на горке Матвея. Содержимое грудной клетки сначала замирает, потом ухает вниз. Направившись к пацанёнку, оглядываюсь в поисках Киры и Ольги. Нахожу первую убегающей от какой-то бабули, которая, в силу возраста и комплекции, никак не может догнать малышку. Хотя и мелкая, а резво несется. Сначала подумал, что она грохнется во всех своих шмотках, и собрался перехватить в пути. Но потом

оказалось, что она итак бежит... ко мне.

Дальше я офигел. От себя офигел. На лице расплылась дебильная улыбка. Внутри потеплело. И прежде, чем мозг обработал входные данные, я распахнул руки, поймал девчонку и несколько раз подкинул в воздух. Хохочет. Милаха такая.

— Латмил, и меня, и меня! — кричит Матвей, подбегая ко мне.

— Конечно! — ответил, возвращая Киру на землю. — Только чур в космос не улетать, а то мама расстроится!

— Холошо! — сказал мальчуган, заливаясь смехом.

Я подхватил его на руки и тоже пару раз подкинул, да повыше. Поймал себя на мысли, что давно мне так не хотелось смеяться, как в этот момент.

Бабуля все это время кряхтела, пытаясь до нас доковылять и что-то причитала. Про себя я решил, что она мать их отца. Хрен знает почему. Львицей от нее не пахло. Мда, Шувалов.

— Ой, что ж вы делаете?! — воскликнула она, подходя к нам. — А вдруг расшибутся?

— Не расшибутся, я же здесь, — отвечаю твердо, думая про себя, что с такой нянкой эти непоседы расшибутся быстрее.

— А вы кто? — спрашивает настороженно.

— Это Латмил, — встречает малец. — Он мой друг.

— Так и есть, — отвечаю скорее Матвею и кладу ему руку на плечо. — А вы их бабушка?

— Да нет, — говорит растерянно, — Я Зинаида Васильев-

на – обеды готовлю в фирме Сергея Андреевича.

Что-то я не понял. Чего?

— Эм, так тут вроде не кухня, — говорю резче, чем нужно.

— Так Сергей Андреевич попросил с детьми побыть. У меня два дня выходных, работа посменная потому что. А Сергею Андреевичу срочно надо было в командировку ехать, а детей не с кем оставить...

— Стоп! – этот поток бессмысленной информации начал раздражать. – Ольга где?

— Так это... в больнице она...

В ушах зашумело. В больнице. Я ее три дня назад видел, и все было нормально. Твою-то мать! Что могло случиться? Сергей Андреевич, что ж ты, мудила, за женой не смотришь?!

— В какой больнице? – спрашиваю повариху. Злюсь жутко. Понимаю, что бабуля ни при чем, но сдерживать раздражение уже невозможно.

— Да я и не знаю даже, — отвечает рассеянно.

— Она в долбанной ЦЛБ, — резво вставляет Матвей с серьезным видом.

— Что? – подвисаю на пару секунд.

— Так папа сказал, когда с мамой по телефону лазговаливал.

— Дружище, ты огромный молодец! – искренне хвалю малого, сев на корточки и взяв его руки. А затем по-шпионски

полушепотом спрашиваю:

— А фамилию вашу скажешь?

Матвей моментально включается в атмосферу таинственности и говорит мне на ухо:

— Антиповы.

Подмигиваю пацану, поднимаюсь, переводя взгляд на бабулю.

— Зинаида Васильевна, давайте я вас с детьми до квартиры провожу.

— Да мы пока не собирались...

— Я вижу, что вы устали, — говорю спокойно, но твердо, — находиться в квартире будет легче.

«А мне спокойнее» — добавляю про себя, уверенный в том, что дома у Львицы все организовано так, чтобы дети были в безопасности.

— Ну да, вы правы, — сдается повариха и поворачивается, чтобы взять детей за руки.

— Я помогу, не беспокойтесь, — выступаю перед ней, беру на левую руку Киру, на правую — Матвея и направляюсь к подъезду.

У дверей квартиры ссаживаю малышню:

— Так, детвора, держите себя в руках, Зинаиду Васильевну не доводите. А я узнаю, как дела у вашей мамы и передам ей, чтоб она о вас не беспокоилась.

— Холошо, Латмил! Только ты обязательно скажи, что мы ее очень любим, а Кила все влемя плачет, даже ночью.

Представляю реакцию Ольги на такую информацию. Хотя, если она в сознании, чтобы ее воспринять, я готов хоть весь день вытирать ее слезы.

Через полчаса я влетаю в «долбанную ЦРБ» и узнаю, что Львица в терапии лежит. Не реанимация. Не хирургия. Выдыхаю. И когда только стал таким мнительным?

— Добрый день! – обращаю на себя внимание медсестры на посту отделения. – В какой палате лежит Ольга Антипова?

Глава 13

Ольга

Боевой дух растворился. Во-первых, персонал отделения словно вымер. Ни врачей, ни заведующей. Вокруг только раздраженные медсестры, которые не отвечали на вопросы и взглядом посылали на три буквы. Во-вторых, одной из бабулек в нашей палате ночью стало плохо. С того момента и до сих пор она мучительно стонет, а никто ничего не делает. Действительно, что говорить обо мне с обычной аллергией.

Первую половину дня я негодовала из-за бессмысленности своего нахождения в стационаре. Потом полностью переключилась на соседку. Дойдет бабуля, если ничего не сделать. А из родственников у нее только муж, который с утра забежал на пять минут, сказал держаться и даже не накормил. А сама она поесть уже не могла. Ну мы с соседками, как могли, о ней заботились.

Мне стало физически плохо от ее боли и разочарования в мужьях, как явлении. Ведь они жизнь вместе прожили, детей растили, пока те не разъехались. Были вместе в горе и в радости, как говорится. Но как только пришла настоящая беда, и женщина дала слабину, муж не стал для нее опорой. А позорно бежал, чтобы не терзать свою тонкую душевную организацию ее стенаниями.

Как же я тебя понимаю, бабуль. Как же паршиво быть нуж-

ной только, пока тебя можно использовать...

Чтобы снова не расплакаться, свернулась клубочком на кровати, пытаюсь абстрагироваться. Хотелось позвонить кому-то, пожаловаться, почувствовать поддержку. Только некому. Я сама по себе. И я ответственна за детей. Хватит мечтать о каменной стене. В моей жизни стена – это я.

«Прими, смирись и подбери уже сопли!»

И в момент, когда я была в секунде от того, чтобы принять, смириться и подобрать, дверь палаты распахнулась. Такое чувство, что ее от души пнули с ноги. А в следующие пару секунд я подумала, что гистамин в крови что-то поломал мне в мозгах, потому что высоченная фигура, грозно сдвинув брови пророкотала, глядя на меня:

— Львица, какого черта?!

Ратмир. Я не знаю какого черта, но его появление вызвало щенячий восторг. Мне кажется, я даже дышать на какое-то время перестала. В голове возникали вопросы, но я их все отправила лесом, потому что мне плевать, как он здесь оказался и почему. ОН здесь.

Дальше он направился ко мне и волшебство рассеялось. А вот эмоции, наоборот, сгустились и рвались наружу.

— Если и ты собираешься орать на меня, то лучше развернись и сделай вид, что тебя тут не было, — говорю обиженно, поджимая, трясущийся подбородок.

— Эй, ты чего? – Ратмир на секунду останавливается в замешательстве, а затем садится на край моей кровати и по-

рывисто меня обнимает.

А я... Я сошла с ума. Потому что следующие пять минут самозабвенно поливаю слезами его белую рубашку. Кстати говоря, мои старания приносят неожиданные плоды: мокрая рубашка начинает липнуть к его груди, и я различаю шикарный проработанный рельеф. Чего-то меня не в ту степь понесло. Пу-пу-пу.

Все это время Ратмир стойко выносит мою истерику и кушает в своих объятиях. Но слезы иссякают и вместе с этим накатывает вся неловкость момента. Мужчина видит, что я снова более или менее вменяема, проводит руками от моих плеч до локтей и отстраняется. Теперь чувствую себя приличнее. Да только нутро против приличий протестует и требует вернуть все как было.

— Прости, Львица... Узнал, что ты в больнице, напридумывал, что тебя машина сбила и все в таком духе. Пересрался. А ты вот. В сознании. Красивая.., — закончил фразу он хриплым шепотом, глядя на меня слишком внимательно. Будто под кожу мне хотел забраться.

— Прекрати, — ответила смущенно, — я наверняка еще в пятнах.

— Плевать на них, — наскоро бросил, продолжая играть со мной в гляделки. А затем спросил:

— Расскажешь, что случилось?

— Крапивница неуточненная.

— А подробней?

— Покрылась пятнами, отекала, задыхалась. Добрые врачи напророчили скорую смерть, если не лягу. Обещали, что тут выяснят причину и пролечат. А пока, я просто тут теряю время. Врача за все дни не было, дежурные на вопросы не отвечают, хотела поговорить с заведующей — ее весь день нет, — меня знатно понесло, переживания последних дней рвались наружу. — Я уже в отчаянии, Ратмир! Я за детей боюсь. Сергей не справится долго. Я в ужасе думаю, как они эти дни пережили. С ума тут схожу...

— Ясно, — ответил он, отстраненно глядя перед собой. Потом словно что-то для себя решил, слегка кивнул и проговорил:

— Через 15 минут вернусь. Поскучай пока.

Эм... И что это было? Да плевать. Вряд ли он вышел просто плакаты на стенах поразглядывать. Сказал ждать — подожду. Даже поскучаю, так и быть.

Возвращается Ратмир через 12 минут. Да, я засекла. Да, я придурочная. Но я испытываю какое-то странное удовлетворение каждый раз, когда вижу вес его слова.

— Львица, я забираю тебя.

— В смысле?

— Вещи собирай, я отказ от госпитализации оформлю, — произносит, собираясь уйти, но я вскакиваю с кровати, преграждая ему дорогу.

— Шувалов, в смысле, я тебя спрашиваю? Я никуда не буду собираться, пока ты не объяснишься!

— Хм, — произносит лукаво усмехнувшись, — Гуглила меня?

— Невыносимый! Много чести!

— А как фамилию узнала?

— Угадала! – вру и не краснею, выбесил.

Его усмешка становится шире, он наклоняется ближе к моему лицу, и я вся напитаваюсь его запахом до головокружения:

— И долго ты обо мне думала?

— Тц, — закатываю глаза и собираюсь вернуться на кровать, но Ратмир хватает меня за предплечье и говорит уже серьезней:

— Твоя заведующая практически призналась, что они хрен знают, что с тобой делать. Тут причину твоего состояния не выяснят. А под капельницами и дома можно валяться.

— Ратмир, какой дома? Во-первых, капаться можно только в условиях стационара...

— Я тебя умоляю, за деньги все можно.

— ... а во-вторых, мне дети эту капельницу вместе с рукой вырвут.

— Поэтому будешь лечиться у меня, — говорит не возмущено.

У меня отваливается челюсть. Что?

— Что?

— Остановишься у меня, вызову свою знакомую, она хороший врач. Осмотрит тебя, а потом будем думать.

— Что? Ратмир, ты себя слышишь? Мы знакомы сколько? Полчаса? Куда я поеду? У меня муж, дети! А ты мне предлагаешь, пока они все там, поселиться у постороннего мужчины? Это же сюр какой-то! – выдергиваю руку и сажусь на кровать.

— Я главного не сказал, — Ратмир сделал паузу, дожидаясь, когда я взгляну на него, — котята твои не с отцом.

Дальше случилось что-то непонятное. В голове за секунду пронеслись сотни тревожных мыслей о детях, потом эту самую голову словно жаром окатило. Кажется, с кровати я соскользнула на пол. И не могла сделать вдох. Совсем. Хватала воздух ртом, но безуспешно.

Вдруг до моего сознания добрался голос:

— Оля, на меня смотри!

И я посмотрела. Сознательно потерялась в его темных глазах. Ратмир встряхнул меня.

— Дыши со мной, — он вдохнул, я за ним.

Стало легче. Пару минут мы подышали в унисон, потом он помог мне встать и посадил на кровать.

— Господи, что это? – растерянно прошептала сама себе.

— Паническая атака, — ответил Ратмир, обеспокоенно разглядывая меня.

— Отлично, просто замечательно. Все-таки у меня поехала крыша.

— Разберемся. Дай мне помочь.

— Где дети? – задаю самый волнующий меня вопрос и

боюсь услышать ответ до дрожи.

— Выдохни. Они дома. И скорее всего хорошо едят, потому что с ними повариха.

В который раз я подняла с пола свою отвалившуюся челюсть. А Ратмир рассказал мне про Зинаиду Васильевну и командировку мужа.

— А я и думаю, почему он сегодня ни разу не позвонил и трубку не берет. Хотя до этого каждые десять минут находил повод понять, — злюсь и понимаю, что говорю лишнее в присутствии Ратмира. А впрочем... — Мне хватит пяти минут.

Он понимает меня. Выходит из палаты, а я начинаю собираться.

Тепло прощаюсь с соседками, и уже на выходе из палаты одна из них обращается ко мне:

— Девочка, ты только не будь дурой.

— Простите, — разворачиваюсь немножко в шоке.

— Мужика не упусти.

— Я вообще-то замужем.

— Потому и говорю.

— Теть Свет, это глупости. Между нами ничего нет.

— Ага, поэтому он примчался узнавать жива ли ты. А себя видела? Слюни на него пускаешь так, что со спины видно, — бабулька усмехнулась. — Я много повидала. Настоящего мужика за версту слышно. И поверь, от мужа твоего таким и не пахнет.

— До свидания, тетя Свет...

— Береги себя, Олюшка.

Из палаты я вышла разбитой. События последних дней меня выбили из колеи. Столько всего происходит, что я перестая улавливать происходящее. Надо решать проблемы по мере поступления. Сейчас мне нужно оказаться рядом с детьми.

На посту вижу Ратмира, который разложил перед собой какие-то бумаги. Обернувшись на меня, он произносит:

— Ты вовремя, я все заполнил, осталось подписать.

Он протягивает мне ручку, но с места не двигается. Поэтому приблизившись к стойке, я оказываюсь слишком близко к нему. Стоит мне наклониться к бумагам, как Ратмир делает еще полшага навстречу. Даже не КО мне. Скорее В меня. Потому что и до этого между нами не было даже сантиметра. Его рука ложится сзади на мою поясницу и медленно ведет по спине, переходя на живот. В этом положении: впечатавшись в меня сбоку и обхватив своей лапищей, он застывает.

— Убери руку, пожалуйста, — шиплю, чтобы не привлечь лишнего внимания медсестер.

— Не отвлекайся, — отвечает, полностью игнорируя мою просьбу.

Я не могу унять дрожь. Сердце в агонии ломится в грудную клетку. Подписи выходят корявыми. Вообще удивительно, что я вспомнила, как выглядит моя подпись, в таких усло-

виях. А Ратмир делает еще хуже: наклоняет голову к моим волосам и вдыхает. Блин-блин-блин. Я точно получу сердечный приступ с такими выходками.

— Все, — пискнула я.

— Хорошо, едем, — услышала хриплый ответ.

Прикрыв глаза, Ратмир резко отстранился и последовал к выходу. А мне без него стало... холодно.

— До свидания! – попрощалась с медсестрами и направилась за мужчиной, который точно меня угробит.

Глава 14

Ратмир

Это финиш. Просто тотальный. В какой-то момент я перестал верить, что моя крыша останется на месте.

Сначала я сходил с ума, гадая, что случилось с Олей. Потом чуть не свихнулся, когда она рыдала у меня на груди. А когда она запаниковала, мне показалось, что я и сам дышать не могу. Смотрел на нее, такую хрупкую и беззащитную и нутро наизнанку выворачивалось.

Не могу ее оставить. Должен. Просто обязан развернуться и свалить. Всем от этого легче будет. Так и поступлю. Но не сегодня.

Мудила-муж, кажется, чхал на состояние жены. И больше того, он детей кинул на чужую тетку, которая даже чисто физически с ними не управится. Жесть. Теперь Львице хоть разорвись: и детей не бросишь, и самой надо лечиться. И это она еще не в курсе, что муженек свинтил от наследников. Черт, Шувалов, не натвори херни!

— Ясно, — выдавливаю из себя в ответ на Ольгины переживания о детях. — Через 15 минут вернусь. Поскучай пока.

Выхожу в коридор. Внутри все бурлит. Натура я итак деятельная, а после того, как узнал, что мою Львицу тут, хер кто лечит, и вовсе руки чешутся кого-нибудь размазать.

В палате старался сохранять спокойствие, но делать это

все сложнее. Подхожу на пост я крайне заведенный:

— Заведующая отделением где?

Медсестричка мигом оценивает ситуацию и притом верно. Злить здорового мужика, который итак уже дошел до ручки не решается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.